

Эти страницы я писал не для того, чтобы научить. Я сам не знаю многого из того, о чём говорю здесь. Но я знаю: молчать — хуже. Молчание тоже выбор. И этот выбор уже однажды привёл нас туда, где мы сейчас стоим.

Мысленная Карта Действий Разумного Человека

Вступление: к тому, кто это читает

Есть вопрос, который стучится в двери — не в твои, нет, он давно перестал стучаться в твои двери, — а в двери тех, кто ещё не закрыл их на все замки. Вопрос этот прост, как хлеб, и страшен, как бессонная ночь: что делать мне, живому, дышащему, ещё способному любить и страдать — здесь, сейчас, когда мир, кажется, сошёл с ума?

Ты пьёшь кофе, читаешь ленту новостей, качаешь головой, произносишь «ужас какой», и продолжаешь пить кофе. Ты научился этому столь основательно, что жизнь, собственно, уже не требует от тебя ничего другого.

Я не осуждаю тебя. Я сам такой.

Но я хочу поговорить с тобой честно — о том, что происходит с душой человека, который живёт в России 2026 года. Не о политике. О душе. О совести. О том, что у нас ещё есть и что мы можем незаметно для себя потерять.

Это не программа действий. Это карта — мысленная карта. На ней нет готовых маршрутов. Но есть ориентиры. Кто-то нашёл их прежде нас и оставил свои записи. Один из таких людей — Лев Толстой, который в последние десять лет своей жизни записывал каждый день что-то о том, как жить по совести, когда всё вокруг против этого. Он жил в другое время, но в той же стране. И то, что он говорил тогда, странным образом звучит сегодня.

Я не пересказываю Толстого. Я думаю вместе с ним и вместе с тобой. Он — опора, а не потолок.

Эта книга написана для молодого человека, для зрелого, для старого. Для человека в Перми и в Москве, в деревне и в городе. Для того, кто устал. Для того, кто ещё не устал, но чувствует, что это придёт. Для того, кто думает, что ему незачем это читать. Именно ему — особенно незачем.

Говорю тебе на «ты» — не потому что я старше или умнее. А потому что иначе нельзя говорить о главном.

Начнём.

И прежде чем начать — одно предупреждение. Эта книга не даст тебе спокойствия. Она не решит за тебя, что делать. Она не даст аргументов для спора с теми, кто думает иначе. Она о другом — о том, как жить самому с собой в эпоху, когда мир вокруг давит со всех сторон. Как не перестать быть собой в центре хаоса. Как сохранить душу в дни, когда её хочется зачерстветь.

Глава I. О чтении и о душе

Утром ты берёшь телефон. Это происходит раньше, чем ты успеваешь проснуться по-настоящему. Раньше первой мысли, раньше первого слова. И уже через минуту в тебя входят десятки образов — война, казни, катастрофы, чьи-то слова, чьё-то горе, чья-то победа, чья-то смерть. Ты читаешь и качаешь головой. Потом пьёшь кофе. Потом снова читаешь.

Толстой в марте 1908 года описывал своё утро: читал газету, ужасался казням. И тут же — лишняя чашка кофе: «Всегда не воздержусь — лишнее». Газетный ужас и бытовая слабость живут рядом. Это не ирония — это правда о человеке.

Вопрос не в том, читать ли новости. Вопрос — что с тобой происходит после.

Есть два рода чтения. Первое — для выхода чувств. Ты читаешь, чтобы ужаснуться, возмутиться, почувствовать себя причастным к событиям. Это приятно, даже когда страшно. Это щекочет нервы и создаёт иллюзию участия. Но это праздно. Ты не становишься ни умнее, ни лучше. Ты просто расходуешь себя.

Второе чтение — для понимания. Ты читаешь, чтобы увидеть что-то за фактом. Что стоит за этим событием? Что оно говорит о природе человека, о природе власти, о том, что должен делать я? Это трудное чтение. Оно медленное. После него не хочется снова открывать ленту, а хочется побыть в тишине.

Гигиена души — это не отказ от информации. Это выбор: сколько ужаса я пушу в себя сегодня, и что я с ним сделаю?

Есть люди, которые не могут остановиться. Поток новостей затягивает, как омут. Душа глохнет, нервы истрачены — изнутри словно что-то говорит: довольно, не вынести больше. Это не слабость — это сигнал. Сигнал о том, что ты путаешь соучастие с участием. Соучастие — это когда ты прочитал и содрогнулся. Участие — это когда ты прочитал, понял, и сделал что-то со своей жизнью.

Между ними — пропасть.

Толстой советовал себе: «Помни, что тебе нет дела до людей, что ты перед Богом». Это звучит странно. Но он имел в виду вот что: читая новости, не теряй связь с тем, что ты сам, один, несёшь ответственность. Тысяча страшных новостей не освобождает тебя от обязанности прожить сегодняшний день честно.

Самый лучший человек, говорил он в 1901 году, «тот, который живёт преимущественно своими мыслями и чужими чувствами». Самый худший — «тот, который живёт чужими мыслями и своими чувствами». Лента новостей — это чужие мысли, поданные как твои чувства. Умей различать.

Один практический совет. Прочитай новость — и остановись. Спроси себя: что я должен сделать с этим знанием? Если ответа нет — закрой телефон. Если ответ есть — сделай это. Даже если это маленькое. Даже если это только написать письмо, позвонить человеку, прочитать что-то серьёзное.

И главное: различай новость и событие. Событие — то, что произошло. Новость — то, как тебе это подадут. Государство давно поняло: кто владеет словами о событии, тот владеет и самим событием в умах людей. Это называется монополией на интерпретацию. Поэтому — читай несколько источников. Не один. Сравнивай. Не принимай чужого приговора за факт. Но и не тони в информационном потоке, ища всё новые источники до изнеможения. В конце концов, сам думай. Это единственное, чем нельзя делегировать.

Ещё один совет. В 1909 году Толстой, перечитывая газеты о казнях, записал: «И сейчас же ясно стало по крайней мере то, чего не надо, не стоит делать». Это — тоже итог. Не знать, что делать, но знать, чего делать не нужно. Это уже что-то. Читай для ясности — хотя бы такой.

Душа — не мусоропровод. Она не предназначена для того, чтобы через неё проходило всё подряд. Будь привратником своей собственной двери.

Глава II. О том, чтобы не ожесточиться

Ты видишь жестокость. Каждый день. Она очевидна. Она задокументирована. Она не выдумана.

И ты спрашиваешь себя: как не стать жёстким самому? Как смотреть на это и оставаться человеком — не размягчённым, не слепым, но и не закаменевшим?

Это, пожалуй, самый трудный вопрос из всех.

Толстой в мае 1907 года записывал: «Казнят. Злодейства не уменьшаются, напротив. Что же делать? Одно и одно: самому каждому все силы положить на то, чтобы жить по-Божьи и умолять их, убийц, грабителей, жить по-Божьи. Они будут бить, грабить. А я, с поднятыми по их приказанию кверху руками, буду умолять их перестать жить дурно». Это не капитуляция. Это отказ платить жестокостью за жестокость — даже внутренне.

Ожесточение происходит незаметно. Сначала ты говоришь: «Они заслуживают того же». Потом: «Зачем жалеть тех, кто не жалеет?». Потом: «Ну и пусть». И вот ты уже говоришь и думаешь языком тех, кого ненавидишь. Это самая тихая и самая страшная победа насилия над тобой.

Толстой в 1905 году, в разгар революции, записал: «Во мне все пороки, и в высшей степени: и зависть, и корысть, и скупость, и сладострастие, и тщеславие, и честолюбие, и гордость... Нет, злобы нет, но есть озлобление, лживость, лицемерие. Всё, всё есть, и в гораздо большей степени, чем у большинства людей. Одно моё спасенье, что я знаю это и борюсь, всю жизнь борюсь». Толстой, 1905.

Человек, который знает свои пороки — уже не цельно закрытый. Человек, который в себе уверен — уже опасен. Среди первых есть надежда.

Ненависть к конкретному насильнику понятна. Но она разрушает тебя больше, чем его. Она меняет строй твоей душевной жизни. Она делает тебя участником того самого мира, от которого ты хочешь отделиться.

Толстой писал в 1901 году: «Вчера читал и смотрел картины мучений в французских дисциплинарных батальонах и разрыдался от жалости и к тем, которые страдают, и больше к тем, которые обманывают и развращают». Больше — к палачам. Потому что они потеряли больше. Потому что они дальше от Бога. Потому что их жаль — не в смысле оправдания, а в смысле понимания страшной цены, которую они платят.

Это не значит — терпеть молча. Не называть зло злом. Не сопротивляться ему.

Это значит: держи в душе различие. Зло — это действие, а не человек. Ненавидь зло. Не отворачивайся от него. Называй его своим именем. Но человека, который делает зло, — жалеет. Не прощай и не оправдывай. Но и не ненавидь. Потому что ненависть к нему разрушит тебя.

Как это сделать практически? Вот один способ: когда в тебе поднимается злоба — на конкретного человека, на тех, кто принял решение, на тех, кто исполняет его, — попробуй на секунду представить их не в мундире, не с оружием, а детьми. Семилетними. С какой-то мечтой. Потом что-то произошло. Потом они стали вот этим. Ты не обязан их простить. Но этот образ поможет тебе не стать ими.

В 1908 году Толстой записал: «Если знаешь благо любви, то не можешь злиться на человека, лишённого любви, не можешь не жалеть его». Толстой, 1908. Жалеть — не значит оправдывать. Значит — не разрушать в себе образ человека.

Глава III. О кумирах — внешних и внутренних

В России 2026 года кумиры строятся быстро и рушатся тяжело.

Один кумир — государство с его торжественным языком и священными победами. Другой кумир — оппозиция с её праведным гневом и спасительными программами. Третий кумир — ты сам: твоя правда, твоя чистота, твоя непричастность.

Толстой был беспощаден ко всем трём.

О государстве он говорил прямо: «Правительство есть шайка разбойников» — не потому что ненавидел конкретных людей, а потому что описывал механизм. Власть, держащаяся на страхе и оружии, не может называться иначе. Это не оскорбление, это диагноз.

О революционерах он говорил не менее жёстко: «Тем вредны и праздно все революции, что деятели их руководятся только эгоизмом». Он видел, что люди, борющиеся с насилием насилием, воспроизводят то самое, против чего борются.

Но самый трудный кумир — ты сам.

Есть особый соблазн у человека, который видит правду: начать считать себя лучше тех, кто не видит. Начать держать в душе тайный список заслуг: я не поехал, я не подписал, я не промолчал. И с этим списком идти по жизни — с тихим, невидимым самодовольством.

Толстой в июле 1908 года написал о себе страшные слова. Он думал о своей жизни в роскоши, о крестьянах в остроге, о стражниках в усадьбе — и записал: «Если бы я слышал про себя со стороны — про человека, живущего в роскоши с стражниками, отбивающего всё, что может, у крестьян... и исповедующего и проповедующего христианство — я бы не усомнился назвать его мерзавцем». Он называл себя мерзавцем — не в приступе отчаяния, а в приступе ясности.

Это не мазохизм. Это инструмент. Человек, который знает свои грехи, не может стоять перед другими с высоко поднятой головой. А тот, кто не может так стоять, — тот не наращивает в себе кумира.

Когда студент спросил Толстого: разве тот, кто не делает плохого, не будет ходить с высоко поднятой головой? — он ответил: «У каждого слишком много грехов всяких, чтобы, не делая греха компромиса, чувствовать себя безгрешным».

Помни об этом. Каждый раз, когда тебе захочется считать себя лучше — остановись. Скорее всего, ты просто не был в тех же обстоятельствах. Или не знаешь о себе всей правды.

Что касается партий, вождей и движений — правило простое: не верь никому, кто говорит, что знает всю правду. Не верь тому, кто требует безусловной преданности. Не продавай своё суждение ни правым, ни левым, ни патриотам, ни либералам. Думай своим умом. Толстой писал: «Мужик думает своим умом о том, о чём ему нужно думать; интеллигент же думает чужим умом и о том, о чём ему совсем не нужно думать».

И ещё об одном типе кумира: люди, которые радикально согласны с тобой во всём. Есть особый соблазн в нахождении среди тех, кто думает правильно. Ты начинаешь верить не своему голосу, а чужому одобрению. Начинаешь бояться сказать что-то не так, как их лидер. Начинаешь выстраивать своё мнение под его ожидания. Это не покорность. Это новый вид порабощения — добровольное. Толстой об этом знал: «Самоуверенные и потому ничтожные люди всегда импонируют скромным и потому достойным, умным, нравственным людям именно потому, что скромный человек, судя по себе, никак не может себе представить, чтобы плохой человек так уважал себя». Толстой, 1907. Берегись сообщества, где любое высказанное тобой сомнение воспринимается как предательство.

Думай своим умом. Это труднее всего. Но только это — твоё.

Глава IV. О службе насилию и о том, чего не делать

Есть поступки, которые невозможно отменить.

Один из них — убийство. Другой — соучастие в нём.

Соучастие бывает разным. Очевидное: взять оружие и выйти воевать. Менее очевидное: подписать документ, который это всё запустил. Ещё менее очевидное: промолчать там, где твоё молчание было соучастием.

Толстой в 1900 году обращался к военному и спрашивал: «Что хуже — убийство или воровство? Разумеется, убийство. Ваше занятие — обучение, распоряжение убийством; вы носите при себе орудие убийства». Он не ненавидел военного. Он хотел, чтобы тот остановился и подумал.

Главный вопрос, который Толстой задавал снова и снова: какие обязанности важнее — солдата или человека? Солдатские обязанности перед людьми, и от них, в теории, можно освободиться. «Обязанность человека — перед Богом, и от неё нельзя освободиться».

И связь эта не абстрактная. В 1909 году Толстой формулировал это с простотой, которая останавливает: «Надо найти прежде, где замок и чем он держит, а потом найти ключ. Замок, запирающий всё, — солдатство. Ключ, отпирающий замок — один: вера в Бога». Толстой, 1909. Пока государство держит войско — а войско держит солдат — а солдат держит патриотизм, а патриотизм воздвигает солдат — колесо крутится. Он записал и в 1910 году: «Солдатство вызывает потребность патриотизма, оправдывающего подлости солдатства. Патриотизм вызывает потребность солдатства, поддерживающего патриотизм». Толстой, 1910.

В этом зачарованном круге нет выхода через политику. Есть выход через человека. Через отказ. «Никакие восстания, бунты, союзы не сделают одной тысячной того, что может сделать воздержание хотя бы от двух дел — потребления водки и поступления в войско», — писал он в 1909 году. Отказаться — не больше и не меньше, чем отказаться продать себя за чужую ложь.

Это не религиозный аргумент в узком смысле. Это аргумент о том, что есть инстанция выше приказа. Есть закон, который не написан ни в одном уставе, но который ты знаешь. Совесть. И когда приказ противоречит совести — приказ нужно не исполнить.

Легко сказать. Труднее сделать. Особенно когда за неисполнение — тюрьма. Или хуже.

Толстой знал это. Он говорил, что для честного человека в его время есть только одно приличное место — тюрьма. Он не говорил, что туда надо стремиться. Но он говорил, что тот, кто туда попал за правду, живёт честнее того, кто остался на свободе ценой лжи.

Это не призыв к мученичеству. Каждый сам решает, на что он способен. Но перед решением нужно честно спросить себя: это страх, или это разумный расчёт ради тех, кого я люблю? И ответить себе честно.

Одно можно сказать точно: не делать дурного — это всегда возможно. Не подписывать то, что ложно. Не произносить слов, которым не веришь. Не работать на те части системы, которые прямо участвуют в убийстве. Это не требует героизма. Это требует только честности перед собой.

«Надо делать своё, не делать дурного» — говорил Толстой.

Это просто. Это труднее всего.

Глава V. О тех, кто служит власти

Солдат. Полицейский. Судья. Чиновник. Учитель, ведущий обязательный урок про войну.

Как к ним относиться?

Не ненавидеть. Не оправдывать. Это — два полюса, между которыми нет ничего, если не думать. Но если думать — есть.

Толстой смотрел на них с жалостью. Не сентиментальной — а трезвой. Он видел их как людей, попавших в механизм и не нашедших в себе сил из него выйти. Иногда не понимающих, что они в нём. Иногда — понимающих, но боящихся.

В 1904 году он записал: прежде чем я — царь, кучер, городской — я человек. Вот главное. Мундир не отменяет человека. Он скрывает его. Но не уничтожает.

Он читал письмо матроса из Порт-Артура, который спрашивал: угодно ли Богу, что нас начальство заставляет убивать? Толстой включил это письмо в свою статью. Потому что в этом вопросе — живой человек внутри механизма. И этот живой человек важен.

Не путай человека и действие. Действие может быть злым. Человек при этом остаётся человеком — с душой, с Богом внутри, пусть и закрытым, пусть и придавленным. Это не освобождает его от ответственности за действие. Но это освобождает тебя от ненависти к нему.

Ненависть к «ним» — удобная вещь. Она упрощает мир. Делает его понятным. Но она лжёт. Потому что «они» — не однородная масса злодеев. Там есть люди, которые запуганы. Люди, которые не думали. Люди, которые думали и испугались. Люди, которые думали и выбрали выгоду. Это разные моральные случаи.

Пёс возле тюрьмы и охранник внутри неё — оба заключённые. Один — в железе. Другой — в страхе и привычке. Это не оправдание охранника. Но это — правда о нём.

Что делать с этой правдой?

Не молчать о зле, которое они делают. Называть его злом. Но обращаться к ним как к людям, способным услышать. Не как к врагам, которых нужно уничтожить, а как к заблудшим, которых нужно попытаться остановить словом.

И вот что важно: есть разница между человеком, который остался в системе из страха, и человеком, который остался ради выгоды. Пекарь с тремя детьми и скромным заработком — его молчание есть выживание. А известный человек с огромными доходами, продолжающий петь со сцены, оплаченной военной казной, — это соучастие из выгоды. Разные моральные случаи.

Но и в первом, и во втором случае — в человеке есть что-то, что можно разбудить. Толстой в 1905 году, получив письмо от солдата из Порт-Артура, который спрашивал — угодно ли Богу, что нас начальство заставляет убивать, — включил это письмо в свою статью. В вопросе был живой человек. И с ним можно говорить.

Это редко работает. Но это единственное, что не разрушает тебя самого.

Глава VI. О ближнем одурманенном

Твой сосед верит в то, во что верит государство. Твой отец убеждён, что всё правильно. Твоя тётя переживает за «наших мальчиков». Твой коллега передаёт дальше официальные новости и возмущается теми, кто думает иначе.

Что делать?

Первое искушение: переубедить. Показать факты. Привести доказательства. Логично объяснить, почему они неправы. Толстой об этом говорил ещё в 1905 году: «Ничто так не мешает улучшению людей, как забота об устройстве общей жизни, об исправлении, улучшении других». Переубедить одурманенного человека аргументами — почти невозможно. Потому что он принял не аргументы, а картину мира. И новые аргументы вписываются в эту картину как доказательства того, что «враги врут».

Но это не значит, что делать нечего.

Толстой говорил: «Помочь нужде других можно только жертвой». Жертва здесь — не страдание. Это твоя настоящая жизнь, прожитая иначе. Человек, который видит рядом кого-то живущего честно, не эффективно — а тихо и честно — меняется медленнее, но глубже, чем от любого аргумента.

Это значит: не бойся говорить правду спокойно, без крика. Один раз. Два раза. Потом молчи и живи. Не осуждай человека за его заблуждение. Осуди заблуждение, если спросят. И жди — не результата, а момента, когда человек сам начнёт сомневаться. Твоя задача не открыть ему глаза насильно. Твоя задача — быть живым свидетелем другой жизни, когда его глаза откроются сами.

Не требуй быстрых результатов. Не измеряй своё влияние переубеждёнными. Просто живи честно рядом. Это — медленное, незаметное, самое настоящее дело.

Глава VII. О любви ко всякому, как к себе

Вот самое трудное.

Не потому что это невозможно. А потому что мы привыкли думать, что это невозможно.

Толстой записывал в январе 1910 года: «Любовь есть ничто иное, как только признание других я — собою». Это философски точная формула. И она очень практична. Попробуй, когда злишься на кого-то, вспомнить, что он так же сознаёт себя изнутри, как ты сознаёшь себя. Что для него его боль, его страх, его правда — так же реальны, как твои. Не более и не менее.

Если ты это помнишь — не можешь ненавидеть. Можешь не соглашаться. Можешь сопротивляться. Но не ненавидеть.

Это не слабость. Это самое большое усилие из всех.

Толстой в 1908 году хотел «испытать эту радость и полюбить врага, и стал искать врагов и не нашёл. Какая радость!» — записывал он. Это не был наивный оптимизм. Это была практика. Он специально тренировал в себе это умение.

«Как вся вода вытечет из ведра, если будет в нём хоть одна дырочка, так и все радости жизни не удержатся в душе человека, если в нём будет нелюбовь хоть к одному человеку» — говорил он.

Любовь в этом смысле — не чувство. Это позиция. Решение. Ты решаешь видеть в каждом человека, а не врага, не препятствие, не инструмент. И из этого решения вырастает всё остальное.

В 2026 году в России это особенно трудно. Потому что есть те, кто делает страшное. И между ними и тобой — не абстрактное расстояние, а конкретные потери, конкретная боль.

Но вот что: ненависть к ним не остановит войну. Она остановит тебя. Она съест тебя изнутри и сделает тебя уже нехорошим — пусть по другим причинам, пусть с другими мотивами.

Люби ближнего — не как лозунг. Как ежедневное упражнение. Сегодня, с этим человеком, в этом разговоре. Завтра — с другим. Накапливай это как мышцу. Она нужна тебе больше, чем ты думаешь.

Июль 1910 года, последний год Толстого: «Любовь есть то единственное благо жизни, которое: во-первых, всегда в нашей власти; во-вторых, не обрывается смертью — можно умирать любя; и в-третьих, не только возможно для всех, но тем более радостно, чем больше людей живут ради этого блага».

Это его итог. Не философский вывод. Итог жизни.

И вот что поразительно просто. Наш современник — живой человек, размышляющий в России 2026 года, записал о себе: «Мне не хочется куда-то выходить, и что-то возглавлять, и к чему-то призывать. И никогда не хотелось. Так случайно получилось — я очень хотел ЛЮБИТЬ». Это честнее любой программы. Человек, который не ищет влияния, а просто хочет любить — это и есть самое толстовское движение души.

Глава VIII. О труде — рукою и душою

Есть вещь, которую Толстой понял раньше, чем её поняла современная наука: физический труд не только кормит тело. Он освобождает голову.

«Телесный труд оставляет мозг свободным» — говорил он в 1907 году. Когда руки делают что-то ясное и конкретное — копают, пилят, месят тесто, стругают дерево, моют посуду — голова перестаёт гонять по кругу одни и те же тяжёлые мысли. Что-то успокаивается. Что-то проясняется.

Это не метафора. Это физиология.

И это — достоинство, а не унижение. Толстой, граф и знаменитый писатель, пахал, косил, шил сапоги. Не из-за нужды. Из-за понимания: жить на чужом труде, не участвуя в нём самому — это форма лжи. Маленькой, но постоянной.

«Ничто духовное не приобретается духовным путём», — говорил он в 1902 году. — «Духовное всё творится материальной жизнью, в пространстве и времени. Духовное творится делом».

Это означает: хочешь стать лучше — делай что-то руками. Не только думай. Не только молись. Делай. Посади огород. Помоги соседу перенести мебель. Почини что-нибудь дома. Это не героизм и не подвиг. Это просто честное участие в жизни.

Аскеза — это не самоистязание. Это умеренность. Не брать лишнего. Не есть лишнего. Не потреблять лишнего. Жить проще, чем позволяют средства, — не потому что так положено, а потому что избыток тупит. Делает тяжёлым и зависимым.

Простая жизнь легче. Не в смысле — без трудностей. А в смысле — без того груза привычек и вещей, который тянет вниз.

Ещё одна вещь о труде. Когда у тебя опускаются руки — когда кажется, что ничего нельзя сделать, что всё бесполезно — начни с чего-то маленького и конкретного. Сделай одно дело. Одно. Руками. Это поможет. Не потому что дело изменит мир. А потому что ты вернёшься к себе.

Толстой в 1907 году записал: «Так ясно почувствовал преимущество косца-работника в росистом лугу рано утром... и бедственность его хозяина за раздражающей его газетой и кофеем, с озлоблением, тоской и гемороем». Толстой, 1907. Косец в росистом лугу ранним утром и хозяин за раздражающей его газетой и кофе — вот два образа жизни. Один работает руками, другой читает о положении в мире. Один устаёт в четыре утра, другой — в полночь. Кто живёт полнее? Это не про престиж. Это про механизм очищения души.

Есть и ещё одно в труде. Когда нет слов — можно работать. Когда нет сил думать — можно делать. Это честная альтернатива бездействию. Не побег от реальности, а возвращение к ней. Толстой в 1902 году записал: «Мы знаем, что без физических усилий мы ничего не достигнем. Почему же думать, что в области духовной можно достигнуть чего-либо без усилия?» Одна формула для тела и для духа. Без усилия — ничего.

Глава IX. О собственности, деньгах и бедности

Деньги — это средство. Они не плохие и не хорошие. Они становятся ядом тогда, когда ты начинаешь ради них делать то, что делать не следует. Или когда ты начинаешь думать, что они определяют твою цену.

Толстой был богатым человеком. Он страдал от этого. «Всё больше и больше почти физически страдаю от неравенства», — писал он в 1907 году. — «Богатства, излишеств нашей жизни среди нищеты; и не могу уменьшить этого неравенства. В этом тайный трагизм моей жизни».

Он не решил эту проблему. Он жил с ней честно — и говорил о ней честно. Это уже что-то.

Что можно сказать определённо: не строй жизнь вокруг денег. Не как принцип безденежья — а как принцип независимости. Деньги — слуга, не хозяин. Если ты жертвуешь совестью ради дохода — это плохой обмен. Если ты жертвуешь временем и свободой ради лишних вещей — это тоже плохой обмен.

О бедности. Бедность — это не добродетель. Толстой это знал. Он видел, как голод и нужда уничтожают людей. Он никогда не призывал наслаждаться бедностью. Он призывал не ставить богатство выше человеческого достоинства.

А вот что важно знать: сама по себе бедность не делает человека лучше. Есть люди, которые живут в нужде — и при этом озлобленные, завистливые. Есть люди, которые живут в достатке — и при этом добрые. Бедность не даёт права на злобу. Богатство не даёт права на черствость. Толстой в 1907 году записал: «Доброму богатому стыдно, что он богат, и жалко бедного... Даже доброму бедному досадно, что он беден, и завидно богатому и хочется сделать ему зло. Вот чем жалки бедные». Толстой, 1907. Система неравенства порождает обиду у одних и вину у других. Чтобы выйти из этого — нужно увидеть систему, а не конкретного богатого или конкретного бедного. И не завидовать, а строить жизнь на другом.

Если ты беден — это не твоя вина в том смысле, в каком проповедует нынешняя власть. Система устроена так, что бедность воспроизводится. Государство, как говорил Толстой, сначала отнимает землю, потом орудия труда, потом облагает налогами. Каждый шаг — новая форма закрепощения. Это не твой личный провал.

Но есть то, что ты можешь сделать вне зависимости от денег: не завидовать. Не мерить себя чужим достатком. Не жить в постоянном ощущении нехватки. Богатство — как ручей: хорошо, когда пьёшь вдоволь и даёшь напиток другим. Плохо, когда гребёшь воду только в свой пруд — он загрязняется.

Отдавай что-то от того, что у тебя есть. Не обязательно деньги. Время. Внимание. Труд. Отдавай — и ты освобождаешься от власти того, что отдаёшь.

Глава X. О страхе и о выходе из него

Страх — это не слабость. Это инстинкт выживания. Он нужен. Он спасает.

Но в России 2026 года страх стал фоном. Постоянным. Ровным гулом за стеной, который ты перестаёшь замечать — и перестаёшь замечать, что боишься. А страх продолжает работать. Он останавливает тебя от слова, от поступка, от мысли — незаметно, как рука на плече.

Власть знает это. Она нарочно делает наказание непредсказуемым. Одного взяли за сказанное вслух слово «война», другого — нет. Один написал то же самое и сидит. Другой — не сидит. Непонятно, что именно

опасно. И от этого опасным кажется всё. Это не случайность и не промах. Это устройство.

Что с этим делать?

Толстой говорил просто: страх живёт в будущем. А настоящее — свободно. «Только в области сознания человек свободен. Сознание же возможно только в моменте настоящего». Это не буддийская мудрость, это практика. Когда ты в настоящем — ты не боишься будущего. Ты делаешь то, что должен делать сейчас.

Когда 28 октября 1910 года Толстой в три часа ночи принял решение уйти из дома — он боялся. «Я дрожу при мысли, что она услышит» — написал он. Но сделал. И записал: «страх проходит». Страх проходит через действие. Не через ожидание.

Это не значит — действуй безрассудно. Это значит: когда ты знаешь, что должен сделать что-то правильное, — страх не должен быть единственным аргументом «нет». Есть и другие аргументы — близкие, которых нужно беречь, обязательства, которые нельзя бросить. Но сам по себе страх — не аргумент.

Есть страх за близких. Это, пожалуй, самый честный страх. Но и он не должен стать оправданием молчания на всю оставшуюся жизнь. Потому что если ты будешь молчать всегда — это тоже скажется на тех, кого ты любишь. Только иначе.

Сделай что должно — и будь что будет. Это Толстой повторял три раза в последний год жизни. Это не фатализм. Это освобождение.

И вот что я тебе скажу: этот фоновый страх очень похож на страх перед смертью. И с ним работает то, что работает со страхом смерти. Толстой в 1909 году записал: «Не перестая помни о смерти — и будет жизнь, для которой нет смерти». Человек, помнящий о смерти, видит пропорции. Видит, что серьёзно, а что — нет. Человек, не помнящий, — захлёстывается в страхе, потому что не знает, когда его достанут и за что. Со смертью в душе открывается то, к чему власть не дотянется: простор для честной жизни. Хоть в последний час.

Глава XI. Об одиночестве среди согласных

Когда вокруг — все «за», быть «против» или просто «не за» — это одинокое дело.

В Перми, в Москве, в любом городе России 2026 года ты знаешь это ощущение. Собрание, на котором все подписывают. Застолье, где никто не возражает. Разговор, в котором ты один молчишь — потому что высказаться — значит стать чужим. Ты выходишь из него и чувствуешь что-то странное: словно ты был один в комнате, полной людей. Это не фантазия. Так и было.

Толстой в 1907 году писал: «В истинном христианстве человек один; не только один, но большинство враждебно ему. И люди не берут ни того, ни другого и остаются без всякой, какой бы то ни было веры».

Одиночество разумного человека в толпе согласных — это не трагедия. Это признак того, что ты думаешь своим умом.

Но у него есть своя опасность: постепенно начинаешь чувствовать превосходство. Я вижу, а они — нет. Я понимаю, а они — нет. И это превосходство разрушает связь с людьми — даже с теми, кого ты любишь.

Толстой знал это лучше других. В 1909 году он записал: «Ко мне отношение людей — большинства — уже не как к человеку, а как к знаменитости... или полная преданность и доверие, или, напротив, отрицание, ненависть». Он понимал: когда тебя видят символом, а не человеком, — одиночество удваивается. Те, кто восхищается, не видят тебя. Те, кто ненавидит, — тоже.

Как быть?

Не кричи. Не поучай. Скажи своё один раз — спокойно, твёрдо. Потом умолкни. Твоя задача — не убедить всех. Твоя задача — не отречься от себя.

Это, кстати, возможно делать тихо. Тихое несогласие — это не трусость. Человек, который не поднял руку на собрании, не подписал письмо, не сказал «всё правильно», когда думал иначе, — сделал что-то важное. Пусть никто не знает. Он сам знает. И это — уже честная жизнь.

«Жутко и одиноко, но если удастся осилить, поставить всё перед Богом в себе, перед своей совестью, — как твёрдо, непоколебимо, свободно» — записал Толстой в мае 1909 года. Юродство — великое дело, добавил он тут же. Это не про юристов. Это про человека, который говорит не то, что хотят услышать, и не ищет за это награды.

Толстой в 1908 году заметил замечательную вещь: «Хочешь соединиться с людьми — не соединишься; живёшь только для себя, для души, не думая о соединении, — и соединишься с Китайцем, Индусом, с человеком 25 столетия». Живя честно и не ища немедленного понимания, ты находишь связь с теми, кто жил и будет жить.

Это утешение? Да. Но не только утешение. Это правда о том, как работает духовная жизнь.

И ещё: найди хотя бы одного человека, с которым можно говорить честно. Одного. Этого достаточно. Человек не создан для полного одиночества. Но он может жить с одним настоящим собеседником — и это уже не одиночество.

Толстой в 1901 году, в самое трудное время, когда болел и думал о смерти, записал: «Трудно жить для Бога одному среди людей, не понимающих даже этого и живущих только для себя. Как радостна в этом положении помощь единоверцев». Единоведец — не тот, кто верует в то же, что ты. Это тот, кто верует честно. Такого человека и ищи.

А если и одного нет — читай тех, кто жил честно. Их много. Они остались в книгах. Они не согласятся с тобой во всём. Но они не будут притворяться.

Глава XII. О детях и о том, чтоб их уберечь

Восемнадцать миллионов детей — в системах, которые учат войне. С трёх лет. Через игры, через песни, через форму с погонами. «Добрые игры» с оружием в руках. Пирамида из двенадцати уровней — от президентского указа до ребёнка, который не может сказать «нет».

Это не преувеличение. Это — архитектура.

Как уберечь своего ребёнка?

Первое: не прятать его от мира. Прятать бесполезно. Мир войдёт через школу, через сверстников, через экран. Ребёнок, которого прятали, окажется один на один с этим миром — без инструментов понимания.

Второе: давать ему язык для названия вещей. Война — это убийство людей. Не «операция», не «защита». Смерть — это настоящее. Страдание — это настоящее. Уважение к жизни — это не слабость, это основа всего. Говорить об этом прямо, не избегая, не защищая ребёнка от правды — но давая ему инструменты, чтобы с ней жить.

Третье: показывать своим примером. Это главное. Дети не слушают слов — они смотрят на жизни. Если ты живёшь честно — они это видят. Если ты боишься и молчишь, говоря одно, а делая другое — они видят это тоже. И усваивают.

Толстой в 1909 году говорил: как ему в детстве внушили всю энергию направить на «молодечество охоты и войны» — так возможно внушить детям всю энергию направлять на борьбу с собой, на увеличение любви. Возможно. Требуется усилия. Требуется последовательности.

Берег для детей — не закрытая комната, а устойчивый внутренний компас. Огонёк внутри, который не задувается ни злостью, ни страхом. «Представь, что внутри тебя горит маленький огонёк любви. Он тёплый-тёплый, и его свет нужен и тебе, и всем вокруг. Старайся беречь его, не давая ветрам злости или страха его задуть». Это — письмо к ребёнку, написанное не Толстым, а нашим современником — и в нём та же правда.

Давай детям альтернативу: мир бывает и иным. Жизнь можно строить не на силе и страхе. История знает другие основания. Хлеб, труд, любовь — вот чем держится мир. Пусть дети знают об этом. Пусть видят, что ты сам в это веришь.

Толстой в 1910 году записал: «Хотелось бы завести опять школу: передавать то, что знаю, о вере и самому себя проверять». Учить детей вере — не обряду. Живой.

Глава XIII. О молодости, зрелости, старости

В каждом возрасте — своя трудность. Своя дорога.

Толстой в 1905 году заметил: «В старости отмирают способности, внешние чувства... но за то нарождаются новые не внешние, а внутренние чувства для общения с духовным миром, — и вознаграждение с огромным излишком. Я испытываю это». Толстой, 1905. Это не утешение для старых. Это наблюдение.

Молодому труднее всего — потому что мир, в который он вошёл, не тот, каким ему его обещали. Ему дали кумиров, а потом показали их пустоту. Ему дали образование, а потом потребовали соучастия. Ему дали юность, а потом пришла повестка.

Толстой в 1904 году спрашивал: когда происходит страшное дело — война — все делают сотни соображений о последствиях, «но никто не делает рассуждения о себе: что ему, мне, надо делать по отношению войны». Это — единственный правильный вопрос.

Молодой человек может сделать одно важное дело: не отдать душу первой же убедительной системе. Ни государственной, ни оппозиционной. Помедли. Подумай. Не спеши становиться чьим-то солдатом.

Зрелому человеку труднее иначе. Он уже принял решения. Может быть, не все из них хорошие. Он несёт груз. И в России 2026 года этот груз может быть очень тяжёлым: соучастие в том, что происходило последние годы — молчанием, голосованием, работой в системе.

Что делать с этим грузом? Сожалеть — честно. Не оправдывать прошлого. Но и не умирать от него. Сожаление без изменения — мертво. Изменение без сожалеия — поверхностно. Соедини одно с другим: признай то, что было не так, и измени то, что можешь изменить сейчас.

Толстой в 1903 году записывал: «Счастливые периоды моей жизни были только те, когда я всю жизнь отдавал на служение людям». Толстой, 1903. Зрелость открывает что-то, о чём молодость ещё не знает: что смысл жизни не в достижениях, а в отдаче. И если всю зрелость нужно вложить в служение — оно придёт.

Старому человеку в войну — особая трудность. Он видел больше. Он устал больше. 80-летний старик, задержанный за «намерение выйти на площадь» — вот образ нашего времени. Не жалкий — страшный. Страшный тем, что система не щадит даже тех, кто прожил жизнь.

Толстой в 80 лет говорил: «В старости отпадает память всего, что не есть истинная жизнь: имена, знания, интерес к мирским устройствам — остаётся одно: то, что есть жизнь вечная». Это не утешительный банальный вывод. Это точное наблюдение: с годами убирается лишнее — и остаётся главное. Если жил честно — главное есть. Если нет — момент, чтобы начать, никогда не поздно.

Глава XIV. О смерти, которая учит жить

Мы не говорим о смерти. Считается, что это плохая примета, неудобная тема, нечто, что надо откладывать.

Но смерть — лучший учитель жизни. Не потому что пугает. А потому что расставляет приоритеты.

Толстой думал о смерти каждый день. Буквально. У него было молитвенное правило: «Помни смерть: что жизнь — переход к смерти, то есть перемене». Не как мрачность — как инструмент ясности.

Когда помнишь, что умрёшь, — перестаёшь трогать время на мелкое. Перестаёшь копить обиды. Перестаёшь откладывать важное. Перестаёшь бояться мнения людей — потому что видишь, насколько это мнение временно.

В феврале 1909 года он записал: «Умирая, испытываешь то, что брошенный ребёнок, возвращаясь к любящей и любимой матери». Это не поза. Это результат работы над собой — долгой, честной.

Смерть в России 2026 года уже не отвлечённость. Люди гибнут. По глупым причинам. По непонятным приказам. Смерть друзей. Смерть ценностей. Смерть тех, кого никогда не спрашивали — рядовых, чиновников, мужчин на войне. Ты держишь это в себе. Как?

Один способ: позволь себе плакать. Не прячься от этого. Потом — встань и живи. Толстой в 1909 году о смерти любимой дочери Маши записал: «0». Пустая строка. Когда нечего сказать — это тоже ответ. Потом — жизнь дальше.

И он же: «Говорят: не думай о смерти — и не будет смерти. Как раз наоборот: не переставая помни о смерти — и будет жизнь, для которой нет смерти».

Это парадокс только на первый взгляд. Человек, готовый к смерти, живёт полнее. Потому что не откладывает. Потому что делает то, что важно, — сейчас.

Как нести в себе эту близость смерти, когда погибают близкие? Только если у тебя есть что-то, что не уничтожается смертью. Не имущество. Не слава. Что-то — что ты сделал в мире любви и правды. Это остаётся. Не в банковской ячейке — в других людях, в тех, кого ты любил, в той, кто благодаря тебе стал чуть лучше.

«Можно умирать любя» — написал Толстой в июле 1910 года. Четыре месяца до смерти.

Это не утешение. Это программа жизни.

Глава XV. О жизни по совести, когда нет сил терпеть

Иногда руки опускаются.

Не метафорически — буквально. Встаёшь утром и не знаешь, зачем. Новости такие, что не хочется читать. Люди вокруг такие, что не хочется разговаривать. Будущее такое, что не хочется планировать.

Это случается. Это не слабость. Это нормальная реакция нормального человека на ненормальное время.

Что делать?

Толстой в 1907 году, в самое тяжёлое время — казни, революция, личные потери, — записывал: «Душевное состояние такое, что всё неприятно, всё, что было, что будет, всё нехорошо. Что это значит? А то, что душа хочет освободиться от прошедшего и будущего и жить одним неумирающим, непроходящим и не начинающимся настоящим».

Это диагноз. И одновременно — рецепт. Когда ты не можешь думать ни о прошлом, ни о будущем — думай о настоящем. Об этом часе. Об этом человеке рядом. Об этом деле.

Не планируй революцию. Не строй планы на год. Сделай одно дело сегодня.

И ещё одно. Знай, что одинокое падение — это не поражение. Толстой записывал о своих падениях каждый день. О лишней чашке кофе. О раздражении на лошадь. О том, что поздно ложился спать. Всё это есть в его дневниках. И рядом — записи о своём самообличении: «Это мне противно», «я поступил дурно». Почему это важно? Потому что человек, который знает свои слабости, не может стоять перед другими с высоко поднятой головой. Он знает: я в том числе. И это знание даёт очень многое: смирение перед другими, терпение к их ошибкам, сочувствие к чужой боли. И заметное снижение осуждения — как будто груз немного спадает со спины. Так работает честность перед самим собой.

Есть молитва, которую Толстой называл короткой: «Хочу любить. Помоги мне любовью». Это не ритуальная формула. Это честное признание: я сам не могу. Мне нужна помощь. Я прошу её.

Просить помощи — это не слабость. Это честность о своих пределах.

И ещё: совесть не уходит в отпуск. Даже когда нет сил — она тихо говорит что-то. Послушай её. Она не требует подвигов. Она требует малого: не солгать сегодня. Не предать кого-то сегодня. Сделать одно маленькое доброе дело сегодня.

«Делай, что должно, и будь что будет» — это не про героизм. Это про ежедневность.

И не давай себе права на отчаяние. Человек, который устал, имеет право передохнуть. Но не на весь день. Толстой в 1909 году, в самый тяжёлый период домашней жизни, записал: «Чувствую невозможность относиться разумно и любовно. Пока хочу только удалиться. Ничего другого не могу... Ну-тка, покажи своё христианство». Толстой, 1909. Остановись. Переведи дух. И снова придёт звук, от которого нельзя уйти.

Глава XVI. О Боге и ответе перед Ним одним

Мы дошли до самого трудного.

Не потому что здесь нет ответа. А потому что здесь — тот ответ, от которого зависит всё остальное.

Бог, о котором говорил Толстой, — не Бог церковных обрядов. Не Бог, которому молятся перед войной и просят победы над врагом. Не Бог, чьим именем благословляют убийство.

Сегодня в России есть храмы, где свечи горят и службы идут, но на святом месте стоит то, чего там не должно быть: благословение убийства, слово «победа» там, где должно быть слово «мир». Толстой в 1901 году, после отлучения, записал: «Спокойные смерти под влиянием церковных обрядов подобны смерти под морфином». Толстой, 1901. А если церковь оправдывает убийство — это уже не церковь. Это государственный инструмент с ладаном и свечами.

И вот почему жизнь перед Богом освобождает. Когда ты отвечаешь перед внутренней инстанцией — не нужно присягать чужому одобрению. Не нужно следить, куда дует ветер в стане. Не нужно узнавать, что скажет сегодня известный человек. Достаточно знать, что ты сам думаешь. Толстой в 1900 году написал: «Как трудно жить только перед Богом — жить, как жили люди, заваленные в шахте и знающие, что они оттуда не выйдут и что никто никогда не узнает о том, как они жили там. А надо, надо так жить, потому что только такая жизнь есть жизнь». Толстой, 1900. Он писал это о себе. Но в этом высказывании — всё о каждом.

Бог не живёт в таких храмах. Бог живёт в каждом человеке — в том солдате, в этом полицейском, в тебе, в том, кого ты хочешь запереть. Толстой в 1910 году записывал себе перед возвращением к Софье Андреевне: «Делай своё и не осуждай. А главное молчать и помнить, что в ней душа — Бог». Если даже в том, кто причиняет тебе страдания, — есть Бог. Значит, он всюду.

Толстой в октябре 1910 года, в Астапово, умирая, продиктовал дочери последнюю запись: «Бог есть то неограниченное Всё, чего человек сознаёт себя ограниченной частью. Истинно существует только Бог. Человек есть проявление Его в веществе, времени и пространстве. Соединение этой своей жизни с жизнями других существ совершается любовью».

Это его последнее слово.

Бог как неограниченное Всё — это не значит, что Бога нет. Это значит, что Бог — это то, к чему ты принадлежишь. Что ты — часть чего-то большего. И твоя задача — не заслужить место в раю, а прожить здесь так, чтобы соединить свою жизнь с жизнями других через любовь.

Для разумного человека в России 2026 года это означает вот что: у тебя есть судья. Один. Он — внутри тебя. Толстой называл его совестью — и говорил, что воля совести — это и есть воля Бога.

Когда ты живёшь перед Богом — тебе не нужны ни партийная линия, ни одобрение соседа, ни место в истории. Ты отвечаешь перед собственной совестью — и перед тем Началом, частью которого ты являешься.

Это освобождает. Не от трудностей. От зависимости от чужих мнений. От страха людского суда.

«Как трудно жить только перед Богом — жить, как жили люди, заваленные в шахте и знающие, что они оттуда не выйдут и что никто никогда не узнает о том, как они жили там. А надо, надо так жить, потому что только такая жизнь есть жизнь» — написал Толстой ещё в 1900 году.

Это и есть ответ. Живи так, чтобы тебе не было стыдно перед собственной совестью. Не перед историей, не перед страной, не перед детьми — они всё это поймут по-своему. Перед совестью. Перед тем живым светом внутри, который не обманешь.

Там, в этой точке, — единственная непоколебимая опора.

Заключение основного корпуса: простая дисциплина разумного человека

Это не правила. Это живые привычки. Те, которые помогают. Держи их в уме — не все сразу, а по одной, той, которая нужна сегодня.

О чтении. Читай не для возбуждения, а для понимания. Сделай что-то с тем, что узнал — или закрой и молчи. Не пускай в себя больше, чем можешь переработать в действие или в ясность.

О жестокости. Когда видишь зло — называй его злом. Но не позволяй ему изменить строй твоей души. Жестокость видящего жестокость — это победа жестокости над тобой.

О кумирах. Не отдавай своего суждения никому. Ни государству, ни оппозиции, ни авторитету, ни себе самому. Думай своим умом. Проверь совестью.

О насилии. Не делай дурного. Это доступно всегда. Не подписывай то, чему не веришь. Не говори того, что не думаешь. Не участвуй прямо в том, что уничтожает людей.

О прощении. Не держи обиды. Не как инструкцию по слабости — а как гигиену души. Обида, хранимая в себе, отравляет. Она меняет хозяина, не гостя. Отпустить — не значит оправдать. Значит освободить себя.

О тех, кто служит власти. Жалей их — не оправдывай. Помни, что в каждом — человек. Называй зло злом, но не уничтожай человека в своей душе.

Об одурманенных. Говори правду один раз. Потом живи правдой — это убедительнее слов.

О любви. Решай любить — не жди чувства. Чувство приходит за решением, а не наоборот.

О труде. Делай что-то руками каждый день. Это возвращает к себе.

О деньгах. Они — средство. Не позволяй им становиться мерилем.

О страхе. Делай то, что должно, — страх проходит через действие. Он не проходит через ожидание.

Об одиночестве. Не ищи немедленного понимания. Ищи одного честного собеседника. Живи для тех, кто будет после тебя.

О детях. Дай им язык для называния вещей. Покажи своим примером. Не прячь от мира — учи с миром жить.

О смерти. Помни о ней — не чтобы бояться, а чтобы не тратить время на мелкое. Делай сегодня то, что не захочешь откладывать перед концом.

О старости. Не откладывай главное до старости. Старость не даёт мудрости автоматически. Но она снимает лишнее — если живёшь честно.

О Боге. Живи перед своей совестью. Это — единственный суд, перед которым нельзя солгать.

О совести каждый день. Спрашивай себя каждый вечер: что я сделал сегодня такого, о чём стыжусь? Если есть что-то — заметь. И завтра постараться иначе. Это не самобичевание и не патология. Это движение.

О помощи. Проси помощи, когда нет сил. Это не слабость. Знать свои пределы — это честность. Толстой молился каждый день. Не потому что был слаб. Потому что знал: сам не сможешь.

И последнее. Эти привычки не надо выполнять все сразу. Возьми одну. Ту, которая звучит сегодня. И будь с ней весь день. Завтра — другую. Со временем они соберутся в новый строй. Это не правила. Это живые ходы.

Человеку дано одно дело: расти духовно. Это толстовская формула из января 1910 года. Она не устарела.

И ещё одно. Юность не знает многого. Зрелость знает слишком много — и устала. Старость знает одно: что под конец — всё временное отпадает, а главное остаётся. В каждом возрасте это есть. И в каждом — своя дорога. Иди по своей.

Наставление миру от Льва Николаевича Толстого, писанное в году 1910-м

К людям мира

Говорю вам не потому, что знаю больше вашего. Говорю, потому что молчать больше не могу. Потому что близится конец моей жизни, и то, что я знаю, я должен сказать тем, кто будет жить после меня.

Я видел войну. Я видел, как людей ведут убивать во имя отечества — и как они идут, не спрашивая. Я видел, как суды выносят приговоры смерти людям, которые взяли не больше, чем берёт государство у них. Я видел, как церковь, которая должна говорить: люби врага своего, — говорит вместо этого: победи врага своего. Я видел Гаагскую конференцию, где государи посылали послов говорить о мире — и продолжали снаряжать армии. Я видел, как первая мысль при новом изобретении — как применить его к убийству.

Говорю вам то, что знаю. Не больше и не меньше.

Помни одно: ты — человек прежде, чем солдат, прежде, чем подданный, прежде, чем гражданин. Обязанности человека перед Богом выше всякой обязанности перед государством. От государственной обязанности можно освободиться. От обязанности человека — нельзя. Ты пришёл в мир не для того, чтобы убивать по приказу. Ты пришёл для иного.

Не верь тем, кто говорит тебе, что убийство на войне не есть убийство. Убийство есть убийство. Кто бы ни приказал. Под каким бы флагом ни шло. Заповедь не убий не говорит: можно убивать некоторых. Она говорит: нельзя убивать никого. Если это неудобно для государства — тем хуже для государства.

Не гордись принадлежностью к народу, к нации, к отечеству. Патриотизм — это суеверие. Одно из самых жестоких. Оно делает людей врагами тех, с кем у них нет никакой личной вражды. Оно убивает любовь — единственное, ради чего стоит жить. Отечеством своим признавай весь мир. Соотечественниками — всех людей.

Люби. Это не слабость. Это самое большое усилие из всех. Любить тех, кто тебя ненавидит, — это высшее, чего может достичь человек. Этому учил Тот, кого в церквях называют Богом, но перестали слушать. Люби ближнего как себя — не как красивый лозунг, а как ежедневное упражнение. Начни с одного человека. С одного разговора. С одного незлого ответа там, где хотелось ответить злобой.

Не убивай. Ни на войне, ни в мире, ни словом, ни делом, ни соучастием. Если тебя заставляют убивать — откажись. Знаю, что это трудно. Знаю, что за это наказывают. Но тюрьма для того, кто отказался убивать, — честнее свободы для того, кто убивал по приказу. Это говорю тебе не из отвлечённого рассуждения — это говорю тебе, зная, каково быть в положении между совестью и властью.

Работай руками своими. Не потому что это добродетель сама по себе. А потому что это честно. Жить на чужом труде, не участвуя в нём, — это ложь. Маленькая, тихая, но постоянная. И она разрушает. Простая работа освобождает голову. Даёт смирение. Приближает к людям, которые живут трудом.

Не страшись смерти. Смерть — не конец. Она — переход к иному сознанию, как сон есть переход к утреннему пробуждению. Человек, помнящий о смерти, живёт иначе: не откладывает главного, не тратит времени на мелкое, не боится людского осуждения — потому что видит, насколько оно временно. Помни смерть каждый день — и проживёшь жизнь полнее.

Бога ищи в себе, а не в храмах, где благословляют убийство. Бог не живёт в обрядах, не живёт в торжественных собраниях, не живёт в церкви, подписавшей манифест во славу меча. Бог живёт там, где есть любовь. Бог есть то неограниченное Всё, частью которого ты являешься. Когда ты любишь — ты проявляешь Бога. Когда ненавидишь — закрываешь Его. Это не догмат. Это опыт. Мой опыт восьмидесяти двух лет.

Детей не учи убивать. Учи их любить. Учи их различать — добро и зло, правду и ложь, живого человека и мундир. Учи их думать своим умом. Это труднее всего в мире, где государство хочет думать за них. Но это — единственное, что ты можешь дать им, чего у них не отнимут.

Не страшись одиночества. Путь честного человека — путь одинокий. Большинство всегда идёт туда, куда ведут. Меньшинство — туда, куда должно. Это не повод для гордости. Но это не повод и для отчаяния. Кто живёт честно — соединяется через время с теми, кто жил и будет жить честно. Это не утешение. Это правда.

И всегда: делай, что должно, и будь, что будет. Не ты решаешь, что случится с миром. Не твоё дело — исходы войн и революций, падение правительств и возникновение новых. Твоё дело — сегодняшний день. Этот час. Этот поступок. Сделай его честно. Остальное — не твоё дело.

Говорю вам это не как тот, кто сам всегда жил так. Я жил плохо. Я много лгал. Я пользовался тем, что отнято у других. Я не сделал всего, что мог. Но это не освобождает меня от обязанности говорить правду,

которую я знаю.

Любовь есть единственное благо жизни, которое не обрывается смертью. Всё остальное обрывается — слава, богатство, власть, здоровье. Любовь — нет. Она переходит. Она остаётся в тех, кого любили. Она остаётся в тех, кто любил.

Бог есть то неограниченное Всё, чего я сознаю себя ограниченной частью. Истинно существует только Он. Я — проявление Его. Чем больше я любил — тем больше я существовал истинно. Это одно я знаю точно.

И всё это — на благо другим и, главное, мне.

Лев Николаевич Толстой. Октябрь 1910.

Источники

- Цитаты Льва Николаевича приведены по Полному собранию сочинений, тт. 54–58 (1900–1910).
- Некоторые образы современности — из блогов [scrivente / 1721.space / Σοφοκλῆς / slumber-notes](#) (2026).
- Данные о современной российской власти — по открытым правозащитным источникам: ОВД-Инфо (<https://ovd.info>), Мемориал (<https://memopzk.org>), Human Rights Watch (<https://hrw.org/ru>) (2024–2026).